

Лу Янь сжал цветок в руке, думая про себя: «Что за обычная полевая хризантема. Я таких не знаю сколько перебрал. Если бы можно было достичь просветления, я бы уже давно его достиг, зачем ждать до сегодня? Этот цветок, как ни посмотри, — самая обычная ромашка. Почему роза, пион, “голубая колдунья”, “призрачная орхидея”, “сонный лотос”, “восемнадцать благородных мужей” и даже шри-ланкийский кактус не смогли сделать то, что смогла эта маленькая ромашка?»

Лу Янь смотрел на белую хризантему в руке и беззаботно озвучивал свои мысли.

Цюй Сяньяо, слушая, как его двоюродный брат с такой лёгкостью перечисляет названия редких и дорогих цветов, особенно «призрачную орхидею», «восемнадцать благородных мужей» и шри-ланкийский кактус — виды, которые за деньги не всегда купишь, — и которые сам он лишь мельком видел в оранжерее своего деда, внезапно замер.

Внезапно Цюй Сяньяо, дрожащей рукой указывая на Лу Яня, заикаясь, произнёс:

— Дедушкину оранжерею полгода назад обокрали. Дедушка, обнимая горшок с «восемнадцатью благородными мужьями», чуть не разрыдался. Этот... этот вор... это не ты, братец?

Юноша выглядел испуганным, боясь, что случайно раскрыл страшную тайну и двоюродный брат его убьёт.

— Ты только сейчас узнал? — Лу Янь с удивлением посмотрел на него, а затем возмутился. — Цюй Сяньяо, ты после переходного периода умер или выжил? Меня дед на дереве подвесил и бил, твоя мать прибежала за меня просить. Такое большое дело, а ты совсем не в курсе? У меня до сих пор шрамы от дедовской порки не зажили, хочешь посмотреть?

Сказав это, Лу Янь снова с недоумением и растерянностью пожаловался Цюй Сяньяо:

— Скажи, дед совсем из ума выжил? Что ему дороже: внук или какие-то паршивые цветы? Неужели он сам не понимает?

Цюй Сяньяо потерял дар речи. Он хотел сказать: «Братец, неужели ты сам не понимаешь? Так же, как ты сейчас не веришь в “улыбку от созерцания цветка”, так и дедушка, конечно, в это не верит. Ради того, что все считают вздором, ты разорил его любимую оранжерею, словно вор. Кого ему ещё пороть, как не тебя?»

— Братец, ты же не веришь? — попытался уколоть его Цюй Сяньяо.

— Слышал поговорку: «Практика — единственный критерий истины»? Я хоть и не верю, но это

не мешает мне проверять.

На словах Лу Янь отвечал Цюй Сяньяо, но его блуждающий взгляд постепенно сфокусировался на маленьком цветке, который он всё ещё держал в руке.

— Братец, ты... — Цюй Сяньяо хотел что-то сказать, но Лу Янь прервал его.

— Заткнись, молчи!

Лу Янь выглядел серьёзным. Его взгляд, устремлённый на белую хризантему в руке, был таким сосредоточенным, словно он смотрел не на цветок, а на свою возлюбленную.

Цюй Сяньяо, с детства боявшийся этого двоюродного брата, после такого окрика мог лишь молча стоять в стороне и ждать, пока тот заговорит.

Спустя долгое время Лу Янь поднял голову. На его лице было странное выражение — смесь радости и печали, растерянности и какой-то безумной эйфории. В общем, не то выражение, какое бывает у психически здорового человека.

Цюй Сяньяо, не испугавшись, осторожно спросил:

— Братец, ты прозрел?

Эмоции Лу Яня быстро улеглись. Он прижал цветок к сердцу одной рукой, а другой бережно прикрыл его, после чего стремительно зашагал прочь.

— Какое ещё прозрение, я вижу, ты совсем от дела отбился. Не учишься, вот и дурью маешься. Эту вещь я конфискую.

Сказав это, он на мгновение остановился, словно что-то вспомнив.

— Ах да, я вспомнил, у меня дома дела. Услышал, что с тобой беда, и сразу примчался. Скажешь потом тёте с дядей, что я ушёл.

Не дав Цюй Сяньяо и шанса возразить, он скрылся из виду. Цюй Сяньяо, опомнившись, с гневным лицом бросился вдогонку, но догнать двоюродного брата уже не мог.

В отчаянии он мог лишь кричать вслед Лу Яню, готовый лопнуть от злости.

— Лу Янь, верни цветок! Это мой цветок, я тебе просто посмотреть дал! Если не вернёшь, я с тобой больше не знаюсь!

Издали Лу Янь, не оборачиваясь, помахал ему рукой.

Ладно, порвать так порвать.

Братя — это, конечно, ценно, кровные узы ещё ценнее. Но если на кону счастье, то и тем, и другим можно пожертвовать.

Цюй Сяньяо от злости чуть не заплакал. Вернувшись в палату, он тут же позвонил деду по маминному телефону.

— Дедушка, братец у меня вещь отнял. Если не вернёт, я жить не хочу!

Дед Цюй Сяньяо, то есть дед Лу Яня, был в шоке. Выяснив, что Лу Янь действительно что-то забрал у Цюй Сяньяо, он в гневе пообещал внуку, что заставит Лу Яня всё вернуть.

В итоге в тот вечер Лу Янь домой не вернулся.

На следующий день кто-то поспешно сообщил семье Лу, что их Лу Янь купил билет на гору Утай и собирается постричься в монахи в монастыре Шаолинь.

На четвёртый день вечером за ужином в семье Линь Линь Юйцин рассказывал эту историю присутствующим в качестве забавного случая.

— Знаете, о чём последние несколько дней судачит весь город С?

Линь Юйцин был отцом Линь Ци и Линь Линя. Вместе с Линь Тяньюанем он управлял активами старшей ветви семьи Линь, включая охранную компанию «Хэйянь».

Раньше, до появления Фэйфэя и переезда в старый особняк, он казался довольно элегантным мужчиной средних лет. Не таким показушным, как отец Чу Сяоханя, Чу Шэн, а по-настоящему утончённым и интеллигентным до мозга костей.

Но со временем этот элегантный и красивый дядя всё больше превращался в сплетника. Он не только слушал чужие разговоры, но и любил делиться услышанным с домочадцами, значительно расширяя их информационные каналы.

По словам Линь Линя, это он от хорошей жизни расслабился и решил наконец стать собой.

А по словам Линь Сыняня, во всей семье Линь больше всех любили послушать сплетни, кроме

Линь Цзинли, именно Линь Юйцин.

Линь Ци умело подыграл:

— О чём? Мы тут к экзаменам готовимся, совсем не до новостей.

Фэйфэй, как только дядя начал говорить, попросил папу налить ему ещё одну маленькую мисочку каши. С ароматным мясным фаршем и маленькими сухариками, малыш приготовился слушать историю.

Дядя лучше всех рассказывал истории. Каждый раз, когда он говорил, Фэйфэй слушал много-много новых историй.

Линь Юйцин взял булочку с бобовой пастой и, отрывая по кусочку, неторопливо начал:

— Семейку Лу знаете? У господина Лу есть внук, лет пятнадцати-шестнадцати. А ещё есть семья Цюй. В том году семья Лу выдала свою младшую дочь за сына семьи Цюй, и сейчас их сыну лет двенадцать-тринадцать.

Линь Хань подхватил:

— Знаю. Того, что из семьи Лу, зовут Лу Янь, так? Он был моим младшим товарищем в школе. Примерно моего возраста, когда я встретил Фэйфэя, тоже только что пережил переходный период. Он довольно жёсткий парень.

Как именно жёсткий, Линь Хань умолчал, чтобы не напугать Фэйфэя и Линь Яо.

Линь Юйцин улыбнулся:

— Именно он. Пару дней назад он уехал на гору Утай, пожертвовал храму пятьсот больших подносов с благовониями и потребовал, чтобы настоятель постриг его в монахи. Его семья сначала не приняла это всерьёз, но через два дня поняла, что дело нешуточное. Когда вся семья Лу, вместе с дочерью и её семьёй, примчалась на гору Утай, было как раз благоприятное время. Парень из семьи Лу уже стоял на коленях на подушке для медитаций и сам себе обрил половину головы.

Линь И поднял руку с вопросом:

— А почему не настоятель его постриг?

— Потому что он несовершеннолетний, для пострига нужно согласие опекунов, — объяснил

Линь Юйцин.

— И что теперь? — спросил Линь Линь, чувствуя, что у истории должно быть продолжение.

Линь Юйцин больше не мог сдерживаться и расхохотался.

— А теперь парень из семьи Лу и сын дочери господина Лу, эти двое, подрались на горе Утай. Тот, что... Лу Янь, кажется. Он уже твёрдо решил стать монахом, уже выучил первые страницы Ланкаватара-сутры. Намерен постричься.

— Ха-ха, — Линь Юйцин, у которого был низкий порог смеха, хохотал, хлопая по столу. Его смех был чистым, как нефрит. — Он, ха-ха, говорит, что прозрел. Глядя на маленькую белую хризантему, он целыми днями медитирует и никому не даёт её трогать. Говорит, что медитирует над «улыбкой от созерцания цветка». А тот, что помладше, говорит, ха-ха, что цветок ему подарил маленький золотой мальчик. И что его двоюродный брат его отобрал.

Линь Сынянь поначалу тоже находил эту историю забавной, но при словах «белая» и «маленькая хризантема» его улыбка застыла.

Он медленно опустил голову и посмотрел на своего малыша.

Фэйфэй, не замечая ничего, поднял ручку и тоже включился в обсуждение:

— У Фэйфэя тоже есть цветочек, жёлтенький.

— Зачем Фэйфэю цветочек? Посмотреть захотелось? — спросил Линь Гошэн, вспомнив, как внук принёс из школы маленький полевой цветок с пятью лепестками.

Фэйфэй, жуя кашу, с набитыми щеками, проглотил и ответил:

— Фэйфэй хочет жёлтым цветочком обменять у старшего братика белый цветочек. Братик Сяохань сказал, что нельзя просто так дарить белые цветы, особенно белые хризантемы, люди могут обидеться.

Тут не только Линь Сынянь, но и все остальные быстро уловили суть.

Линь Линь, помедлив, спросил:

— Фэйфэй, скажи, ты подарил кому-то белую хризантему? Где ты её подарил? Сколько лет тому старшему братику?

Фэйфэй, покусывая ложечку, с большими, моргающими, совершенно невинными глазами ответил:

— В начальной школе «Цысин». Старший братик... младше братика.

Линь Юйцин тихо проговорил:

— Цюй Сяньяо, кажется, как раз из начальной школы «Цысин». Говорят, он несколько дней назад из-за сильного волнения упал в школе и потерял сознание. Ещё и другого ребёнка сбил.

Линь Сынянь: «Совпало. Всё совпало». Та белая хризантема, скорее всего, та самая, которую Фэйфэй воткнул кому-то в ухо.

Возможно, в том, что парень из семьи Лу теперь собрался в монахи, есть и доля вины их малыша.

Ведь парень упал и потерял сознание, так что, возможно, перед этим у него уже были галлюцинации. Принять прелестного, как фарфоровая кукла, малыша по имени Фэйфэй, склонившегося над ним, за маленького золотого мальчика, по мнению Линь Сыняня, было вполне простительно.

— Папа, а что значит «постричься в монахи»? — ответив на вопросы братьев, Фэйфэй, не забывая о любознательности, спросил у Линь Сыняня.

— Это значит обрить голову налысо, а потом всю жизнь не есть мяса, не заводить романов, не жениться и не иметь детей, — ответил Линь Сынянь.

Вообще-то, в наши дни условия пострига уже не такие строгие. Но Линь Сынянь, вспомнив о недавнем прецеденте, не задумываясь, решил напугать малыша.

И действительно, Фэйфэй испугался.

— Нельзя есть мяско, как грустно.

Линь Хань, услышав это, снова посмотрел на Фэйфэя, но Линь Сынянь испепелил его взглядом.

Линь И, Линь Хань, Линь Ци, Линь Линь: «Откуда... откуда это лёгкое чувство вины?»

— Папа? — Фэйфэй, не понимая, почему братья так на него смотрят, поднял голову на Линь Сыняня. — Братья почему всё время смотрят на Фэйфэя? У Фэйфэя лицо грязное от еды?

Мальш поднял руку и потёр рот. Чисто.

Дзынь-дзынь-дзынь, зазвонил телефон.

Линь Юйцин взял трубку. Его лицо стало сложным: отчасти сочувствующим, отчасти желающим рассмеяться.

— Я только что добавил в одну группу, там есть Цюй Гуй. Он только что написал, что они всей семьёй поехали на гору Утай уговаривать двоюродного брата его сына. А в итоге его сын, приехав на гору Утай, сначала подрался с двоюродным братом, а теперь тоже хочет постричься в монахи.

Линь Юйцин чувствовал, что смеяться, когда у других такое горе, нехорошо.

<http://bllate.org/book/13654/1602373>